Лет двадцать тому назад в Калязинском уезде Тверской губернии проживал в небольшом имении Алимпий Николаевич Бельский. По выходе в отставку он все заботы свои посвятил псовой охоте и в течение многих лет добился, что у него были действительно замечательные по охотничьим достоинствам борзые и гончие собаки.

Слава о резвости борзых собак Бельского распространилась далеко, и из дальних мест обращались к нему с просьбами продать или уступить собак от его производителей, но он как истый охотник никому не продавал собак. Однажды приезжают к нему в имение двое курских помещиков-охотников и просят позволения поохотиться с ним и посмотреть его охоту. Согласие, конечно, последовало. Как гончие, так и борзые чрезвычайно понравились гостям, особенно же благоприятное впечатление произвела на них одна из собак в своре хозяина по кличке Нахал, поймавшая накоротке одного за другим девять зайцев в одно поле.

– Очень хороши ваши собаки, – порешили курские охотники, – но охота-то у вас здесь такая, что вы травите зайцев, как мышей из мышеловки: помучат его гончие в лесу, выскочит он на лужок или в поле навстречу борзым, тут они его и ловят. Вот интересно было бы попробовать ваших борзых на наших степных русаках – с теми им не так легко будет справиться.

Задели эти слова самолюбие Бельского, и он тотчас же объявил, что будущей осенью явится к курским помещикам отблагодарить их за посещение и вместе с тем поохотиться со своими собаками за курскими русаками.

Сказано – сделано. На следующую осень Бельский действительно явился в гости к курским помещикам с тремя борзыми собаками, в числе которых был и Нахал – собака, по словам Бельского, в высшей степени резвая, но капризная, так что иной раз и резвости своей не выкажет, особенно если ей предстоит ловить с другими собаками, не из хозяйской своры.

Собралось к тем помещикам немало и других охотников, из которых, сколько могу припомнить фамилии, помещики Гурьевы, что славились как обладатели лучших собак. Выражено было общее желание, чтобы предоставлена была возможность гурьевским собакам поравняться с собаками Бельского.

Взяли одно поле, другое, третье; все шло обыденным чередом: травили русаков и

лисиц, причем Бельского собаки, не ударяя лицом в грязь, хорошо подавливали и тех и других, но ничего особенно интересного не выходило.

На четвертое поле, под вечер, выехали охотники на большое степное пространство и пошли в линию; гончие были далеко позади. Едут, равняются и видит Бельский, что Гурьев вдруг осадил лошадь, а стремянный его в рог голос подал. Остановились все охотники, остановился и Бельский, не зная, что это значит.

– Пожалуйте туда, Алимпий Николаевич. Русака в поле подозрили, – сказал ему, подъехав, ближайший сосед.

Бельский направился в указанную сторону.

– Посмотрим, – говорит ему Гурьев, указывая вперед, саженях в пятидесяти, на какую-то тушу, лежавшую в борозде сжатой ржаной пашни.

Бельский недоумевал – что бы это такое могло быть: баран не баран, а что-то большое и точно курчавое.

– Это один из наших степных русаков, – замечает Гурьев, видя его недоумение. – Мы обыкновенно в таких случаях расстанавливаемся по степи, чтобы передавать его со своры на свору, но теперь, по общему желанию, травить будем только я да вы, а остальные охотники отведут своих собак назад.

– Ах, очень приятно, – отвечает Бельский, а у самого что-то больно хватило за сердце.

Собак прочих охотников отвели, а собак Гурьева и Бельского взяли на своры, и стремянный хотел уже ехать вперед, чтобы спугнуть или, как говорят охотники, поднять русака, но тут заговорило в Бельском ретивое.

– Позвольте, позвольте, – сказал он. – По-нашему это не так: еще сажень на пятьдесят назад и тогда уже поднять косого.

Поморщился Гурьев, однако согласился. Отъехали еще назад так, что русак оказался у них саженях в ста впереди. Нужно быть охотником, чтобы понять, какие возродились во всех чувства и ожидания.

Поехал вперед стремянный, хлопнул арапником, и из борозды, точно из-под земли, выскочил матерый русак, быстро понесшись по прямому направлению. Заатукали охотники. Спустили со свор борзых. Впереди всех, вслед за собаками, скакали Бельский и Гурьев.

Близятся собаки к русаку, но не подарок он им – ни одной угонки не давал сделать, только что какая начнет приближаться, а он как наддаст – и сажень на десять отделится вперед. Мчатся собаки, но, видимо, ослабевают. Охотники скачут и горячатся, а хваленый Нахал тянется третьим или четвертым за другими собаками.

– Вот они, резвые... хваленые!.. – кричит разгоряченный Гурьев. – Угонки не могут сделать!.. Это не мышей, видно, ловить!..

Не успел он договорить до конца своей мысли, рассказывал Бельский, как мой Нахал, как будто поняв бесчестие, какое наносилось и мне, и всей моей охоте, рванулся вперед, как будто выброшенный, мигом обскакал всех бывших впереди собак, подобрался к русаку и, схватив его, как тряпку, пронесся с ним еще сажень пять. Все прискакали к месту, где я, соскочив с лошади, собственноручно брал у любимца русака, чтобы заколоть его и приторочить к седлу. С неописуемым удовольствием и торжеством осмотрелся я вокруг и увидал, что Гурьев, тоже соскочив с лошади и сняв шапку, отдает Нахалу земной поклон.

По возвращении с охоты за сытным и веселым ужином много было разговоров и много

выпито вина в честь Бельского, его охоты и знаменитого Нахала. Явились желающие купить Нахала. Давали большие деньги, один предлагал даже деревню с землею и крестьянами, но Бельский не соглашался ни на какие предложения. Тогда порешили, что Нахалу цены нет, и на другой день на том месте, где затравлен был русак, кстати сказать, весивший около двадцати фунтов, поставлен был столб, а на нем прибита доска с надписью: «Нахалу в знак того удовольствия, которое от тебя приял».